Лит. газета. - 1990. - 21 февр. - с. 15

Прогнозы и советы бывалого детектива

С популярным французским писателем Роже БОРНИШЕМ беседует собственный корреспондент «ЛГ»

Более 10 миллионов экземпляров — общий тираж книг Роже Борниша: на английском, японском, испанском, немецком, чешском (в СССР Роже Борниш не издавался)... После смерти Сименона и распада знаменитого дуэта Буало — Нарсежак он, пожалуй, сейчас — один из последних представителей «старой гвардии» французского детектива. С тем отличием, что Борниш не сочиняет романы и повести, а записывает их. И «Ганг», и «Гринго», и «Дело малышки Муано», и «Цель» — все это страницы жизни Роже Борниша, в прошлом знаменитого сыщика-«суперфлика», как зовут таких людей во Франции, лично остановившего 567 гангстеров-налетчиков, взломщиков, грабителей, рэкетиров.

— Как вы начали писать? Не смогли больше работать в полиции, видимо, по состоянию здоровья? Вас тяжело ранили?

— Ну что вы! Ни одной царапины нет у меня. Просто началась война в Алжире, и меня решили послать выслеживать алжирское повстанческое подполье. «Я — охотник за преступниками, а не за революционерами», — ответил я шефу и подал в отставку. Сначала ее не хотели принимать, а потом вынуждены были согласиться. В знак моих особых отличий министр внутренних дел вручил мне карточку Почетного полицейского. В 35 лет я был удостоен чести, которая обычно венчает жизнь людей, состарившихся в полиции... Я же открыл частную сыскную контору, и судьба подсказала мне немало новых сюжетов, легших в основу будущих романов.

Писать начал совершенно случайно. Мой друг Ален Делон, будучи у меня в гостях, как-то сказал: «Почему бы тебе, Бор, не сесть писать мемуары?» И правда, пуркуа па? Я попробовал, и скоро родилась книга «Месье Эмиль» — о моей дуэли с убийцей-маньяком Эмилем Бюиссоном. Делон взял рукопись с собой на съемки очередного фильма, кажется, с Симоной Синьоре. Ночью Ален разбудил меня: «Срочно приезжай!» Наутро я сел в поезд и был у него на съемках. «Никому не говори о нашем разговоре, иначе тебя поднимут на смех, — сказал Делон. — Ты должен писать! А по этой книге мы сделаем фильм!» Так получился «Фликстори» («Полицейская история»), обошедший весь мир. Инспектора Борниша играет Ален Делон, а кровавого гангстера Эмиля Бюиссона — Жан-Луи Трентиньян... Нет ничего удивительного, что я стал писателем. Гораздо более странно то, как я стал полицейским!

— ?!

— Да-да! До войны я был актером, причем достаточно известным. Выступал в знаменитом парижском кабаре «Батаклан», — Роже Борниш достает из заветной папки пожелтевшие листы, с которых на меня смотрит большезубый весельчак с напомаженной головой, чем-то похожий на молодого Фернанделя: Роже Борниш — комик-куплетист! — А это Жан Габен, Бурвиль, Мишель Морган — старые друзья. Когда началась война с Гитлером, я собирался сниматься у Жана Ренуара в картине «Французский канкан». Но все перемешалось... В 1944 году полицейским стажером оказался в орлеанском сюрте (уголовная полиция. — К. П.). Вместо того чтобы бороться с насильниками и мародерами, нас, новобранцев, отправили на облаву партизан. В первую же ночь я дезертировал. Мир не без добрых людей: добрался до Парижа, но к жене с сыном не пошел — узнал, что там меня уже ждали вишисты.

Скрывался в «чреве Парижа» — оптовом рынке «Алль», где устроился грузчиком в мясном ряду. «Алль» — особый мир, который кого угодно мог сделать поэтом. Дождался освобождения. Вернулся на подмостки. Только собрался отправиться на гастроли, как пришло предписание явиться в полицию. Обстановка в стране была тревожной, от меня потребовали работы по полицейской специальности. Я и в этот раз сбежал бы — меня тянуло на сцену! — но после очередной ссоры с начальником случайно попал в соседнюю с моим кабинетом комнату. Как сейчас помню ее номер — номер 10. Там висели на вешалках сутаны монахов, комбинезоны электриков, мантии адвокатов... «Что это за театр?» — вырвалось у меня. «Это не театр, а криминальная полиция, — ответили мне. — Чтобы вести слежку, мы переодеваемся и гримируемся». «Это же моя работа!» — пронеслось в голове. Я остался в криминальной полиции: освоил жаргон барыг и шулеров, стал посещать ночные притоны, научился собранности и терпению, приобрел осведомителей, ну, а искусству перевоплощения учить меня не надо: и слепым музыкантом был, и набожным кюре, и продувным клошаром. За 6 лет службы я дослужился до главного инспектора. Пока я единственный во Франции полицейский, при жизни удостоенный «Почетной медали полиции».

— И вот теперь пишете свою 18-ю книгу. О чем она?

— Это детектив о «киднеппинге» — похищении девочки из состоятельной семьи. В основу легла история дела, расследованием которого я занимался в Америке в бытность мою частным сыщиком. С наслаждением возвращаюсь в памяти к делам давно минувших дней! У каждого времени — свой знак проклятия. После войны у нас была пора разгула корсиканской мафии. Потом на смену ей пришли «братья-разбойники» из Северной Африки, французы и арабы. Затем появились еврейские и армянские банды... Теперь — банды «юго» (югославские) — одни из наиболее жестоких во Франции.

Роже Борниш и Ален Делон: писатель и актер, воплотивший образ комиссара Борниша на экране.

Возьмите недавний номер «Либерасьон». Объявлен розыск некоего Маринеля Херско, в прошлом советского «отказника», организовавшего израильскую сеть поставки во Францию героина и кокаина из Колумбии и Таиланда. А дело Басмаджана! Поражает, что между нашими странами до сих пор нет договора о правовой помощи. Дескать, пусть каждый лечит свои болячки сам... Неужто не понятно, что с созданием «общеевропейского дома» и с неизбежным открытием границ проблема борьбы с преступностью где-нибудь в Москве или Харькове автоматически станет не только перед МВД СССР, но и перед аналогичными ведомствами ФРГ, Франции и Италии! Уже сейчас я далеко не уверен, что все, кто уезжает из СССР, Польши, ГДР, Чехословакии жить на Запад, — это сплошь честные люди. Газеты говорят о так называемой «русской мафии» в нью-йоркском пригороде Брайтон-Бич, но пока что редко пишут о преступных «связках», созданных при участии эмигрантов из СССР за последние годы в Западной Европе. А ведь здесь действуют организованные бывшими советскими гражданами подпольные линии поставки на Запад наркотиков, черной икры, предметов искусства, в том числе икон. Статистика французской таможни свидетельствует, что в эти «рашн-коннекшн» — по ассоциации с одиозной «френч-коннекшн», («французской связкой») — включены и американские туристы, и африканские дипломаты, и водители международных грузовиков-трайлеров. Особый вид бизнеса — продажа паспортов: идет торговля документами на подставных родственников. Эти «ксивы» дают возможность людям из социалистических стран уезжать на Запад. Конечно, было бы непростительной ошибкой считать отъявленными мошенниками и контрабандистами всех оказавшихся на Западе бывших жителей социалистических стран. Преступников — абсолютное меньшинство, но «рашн-коннекшн» существуют, и с этим нельзя не считаться ни вам, ни нам.

— Честно говоря, очень хочется, чтобы вы ошиблись в своих оценках. Впрочем, глаз у вас, как я заметил, — вещий. Помню, несколько лет назад вы написали повесть «Кореец» — о борьбе в Колумбии с наркомафией, сейчас же в этой стране развернулась настоящая война с производителями и торговцами наркотиков.

— «Кореец» — история моего расследования 10-летней давности, состоявшегося в Колумбии. Опыт детектива уже тогда подсказал мне, что борьба армии и полиции с наркомафией будет кровавой и беспощадной. Для эффективной борьбы с организованной преступностью нужно, чтобы армия, полиция и юристы были солидарны, чтобы тюрьмы были не рассадниками заразы, а мерой воспитания для оступившихся и суровым наказанием для преступников. Чтобы амнистии касались только раскаявшихся и достойных снисхождения. И самое главное — чтобы профессиональному преступнику (пусть вас не смущает этот термин, за которым — реальность!) противостоял блюститель порядка — профессионал еще более высокого класса, чувствующий за собой поддержку всего общества.

— Вы словно даете рецепт борьбы с преступностью в Советском Союзе...

— Я знаю о трудных задачах, стоящих сейчас перед вашими органами внутренних дел. При экономических осложнениях и ослаблении центральной власти вспышка преступности закономерна. Во Франции это было после войны. Но полиции при финансовой поддержке банков, страховых агентств, торговых компаний удалось победить гангстеров, даже вернуть некоторых из них к честной жизни. Не буду говорить, каких усилий нам это стоило. Зато с 1952 по 1955 год во Франции не было совершено ни одного вооруженного нападения!.. Впрочем, об этом разговор в моих книгах, фильмах, снятых по ним.

— Какой из них особенно дорог вам?

— Очень люблю фильмы, сделанные совместно с А. Делоном. Считаю недостаточно «дотянутой» картину «Рене Ля Канн» с Жераром Депардье, Мишелем Пикколи, Сильвией Кристель. Доволен работой актеров нового поколения французского кино — Даниэля Отея и Тьерри Лермитта в «Осведомителе»... Однако самый яркий кадр, связанный с моими книгами, относится, как мне кажется, не к кино, а к вечернему выпуску новостей по французскому телевидению. Один из «Конкордов» прилетел из Парижа в Нью-Йорк, среди спускающихся по трапу пассажиров оказались Жаклин Кеннеди, Валери Жискар д'Эстен и Мишель Платини. У каждого из них был в руках мой только что вышедший роман «Архангел». Думаю, не всякий писатель может похвастаться такими читателями.

К. ПРИВАЛОВ